

А. С. Горнфельдъ

**Книги
и люди**

I

Литературныя бесѣды

СПБ.

Издательство „ЖИЗНЬ“

1908.

Новое о Достоевскомъ.

Изъ крупныхъ русскихъ писателей нѣтъ ни одного, кого бы знали такъ мало, какъ Достоевскаго. Это кажется парадоксомъ, но это правда. Его популярность ограничивается немногими произведеніями; его знаютъ — даже теперь — немногіе любители. Спросите средняго русскаго интеллигентнаго читателя, кто такой Пигасовъ, Кукшина или даже Басистовъ — фигуры второстепенныя, — онъ будетъ обиженъ такимъ вопросомъ и такимъ подозрѣніемъ: онъ знаетъ своего Тургенева. Но спросите его, кто такой Версильевъ — герой большаго романа — онъ запомнитъ. Онъ читалъ «Подростка», — но не перечитывалъ: не потянуло, — скучно знаете, туманно и тяжело.

Пишутъ о Достоевскомъ много, но литература о немъ бѣдна. Если взглянуть на изданный въ этомъ году обширный «Библиографическій указатель сочиненій и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности Ф. М. Достоевскаго», то покажется, что мы имѣемъ богатый матеріалъ для сужденія объ этой жизни и дѣятельности. Въ одной изъ башенъ московскаго Историческаго Музея вдова покойнаго писателя устроила чуть не исчерпывающій «Музей памяти Ф. М. Достоевскаго» — и издала его подробное описаніе, восхищающее всякаго, работавшаго надъ усвоеніемъ Достоевскаго, какъ необыкновенной полнотой собранныхъ здѣсь матеріаловъ, такъ въ особенности славной настойчивостью, которою эта полнота была достигнута. Здѣсь есть пробѣлы — безъ нихъ не бываетъ дѣло человѣческое, — здѣсь есть и лишнее: понятное слѣдствіе, какъ законнаго въ этихъ условіяхъ личнаго культа, такъ и прежней безразборной погони за

сырьемъ, нынѣ отвергнутой наукой; ибо теперь наука хочетъ, чтобы всякій собирающій сырые матеріалы уже въ процессѣ собиранія отдавалъ себѣ отчетъ, для какихъ выводовъ пригодны эти матеріалы. Указатель производитъ впечатлѣніе на того, кто умѣетъ вкладывать въ сухія даты и названія полноту исторической жизни, кто привыкъ связывать съ вѣхами прошлаго свои личныя переживанія. Эта мертвенная книга о Достоевскомъ, этотъ безразличный каталогъ охватываетъ его атмосферой, напряженно-эмоціональной, ищущей, мыслящей, болѣзненно чуткой. Остается горько пожалѣть, что такъ несчастливо случилось одному только Достоевскому, что преданная рука любящей женщины не потрудилась такимъ же образомъ надъ уясненіемъ памяти другихъ великихъ русскихъ писателей. Даже хорошее у насъ такъ разрозненно и случайно, что непременно и непроизвольно связывается съ обидной мыслью о безысходной нелѣпости нашей жизни.

Въ указателѣ съ чрезвычайными подробностями названо все собранное въ музеѣ—отъ сохранившихся рукописей великаго писателя до объявленія о рейсахъ волжскаго парохода «Достоевскій», отъ всѣхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ, связанныхъ съ его именемъ, до табакерки его матери и вставочки, которую онъ писалъ.

Но богатства всей этой литературы—кажущіяся богатства. Намъ такъ много надо знать о Достоевскомъ и такъ важно знать, что этой потребности не утомила бы никакая литература—и менѣе всего то, что—въ такомъ количествѣ—написано о Достоевскомъ.

Должно помнить, что у насъ не было писателя, сочиненія котораго до такой степени нуждались бы въ біографическомъ, фактическомъ объясненіи—и о которомъ до такой степени было бы заманчиво творить гипотезы, не основанныя ни на чемъ, кромѣ остроумныхъ фантазій и «глубокихъ» настроеній критика. Давно уже люди, лично знавшіе Достоевскаго и имѣвшіе нѣкоторую возможность наблюдать его въ самомъ процессѣ творчества, отмѣчали свойство, которое даже такой умный человекъ какъ Страховъ умѣлъ назвать только

«субъективностью» и «искренностью». Нѣтъ, здѣсь не субъективность и не только искренность: здѣсь автобіографичность, менѣе очевидная, но потому и болѣе глубокая, чѣмъ даже у Толстого. «Достоевскій—субъективнѣйшій изъ романистовъ, почти всегда создававшій лица по образу и подобию своему, — говоритъ Страховъ:—полной объективности онъ рѣдко достигалъ. Для меня, близко его знавшаго, субъективность его изображеній была очень ясна, и потому всегда на половину исчезало впечатлѣніе отъ произведеній, которыя на другихъ читателей дѣйствовали поразительно, какъ совершенно объективные образы». Какъ искрящіяся песчинки разсыяны по произведеніямъ Достоевскаго еле замѣтныя, но безконечно важныя признанія; должно установить и уяснить ихъ, должно изъ окружающихъ произведенія матеріаловъ — писемъ, замѣтокъ изъ записныхъ книжекъ, сообщеній современниковъ—создать атмосферу реального пониманія Достоевскаго, и ужъ на этой твердой почвѣ строить выводы. А до тѣхъ поръ между литературой о Достоевскомъ и тѣмъ, что хотѣлось бы видѣть въ ней, — настоящая пропасть: вмѣсто научнаго изученія субъективныя варіаціи, вмѣсто уясненія дѣйствительнаго смысла художественныхъ созданій — порхающая лирика, которая не хочетъ и не обѣщаетъ быть обоснованной. Одинъ критикъ въ своей книгѣ о «Бѣсахъ» посвятилъ цѣлый рядъ страницъ доказательствамъ того, что Ставрогинъ не только душевно опустошенный человѣкъ, но еще страдаетъ специфическимъ безсиліемъ. Доказательства подобраны недурно: рѣшивъ, что все говорящее у Достоевскаго о неспособности любить душою означаетъ физическую неспособность, не трудно было провести это предположеніе до конца. Такъ во французскихъ шансонеткахъ, произвольно связавъ въ первомъ куплетѣ любой обыкновенный предметъ съ какимъ-нибудь непристойнымъ представленіемъ, толкаютъ мысль слушателя въ опредѣленномъ направленіи. Пѣвица поетъ о восхожденіи на Монбланъ или о примѣркѣ башмака, а догадливый слушатель хохочетъ: знаемъ мы, какой это Монбланъ, знаемъ мы, какой это башмакъ. Такъ и здѣсь: Достоевскій только канва,

на которой догадливость критика вырисовываетъ любые узоры; онъ въ полномъ правѣ — и узоры могутъ быть завяты; но мы ничего не узнали о Достоевскомъ. Объяснить его, конечно, не та современная критика, которая пользуется имъ, какъ трамплиномъ для своихъ субъективныхъ курбетовъ, а будущее научное изслѣдованіе, которое въ каждомъ его образѣ, въ каждомъ произведеніи увидитъ прежде всего фактъ его біографіи; указать этому произведенію мѣсто въ исторіи душевнаго развитія писателя — вотъ путь, по которому пойдетъ ожидаемый изслѣдователь. Судя по одному замѣчанію г. Волжскаго, который, какъ говорятъ, занять теперь обширной біографической работой о Достоевскомъ, — онъ намѣренъ держаться именно этого пути. Въ отзывѣ о шестомъ (юбилейномъ) изданіи собранія сочиненій онъ отмѣчаетъ, что предпочелъ бы видѣть во главѣ изданія не статью С. Н. Булгакова «Черезъ двадцать пять лѣтъ», «опытъ религіозно-публицистической оцѣнки». «Если вообще классическое изданіе собранія сочиненій Достоевскаго нуждается теперь во вступительной статьѣ, то — тоже классической, филологической по преимуществу. Какъ ни интересны статьи Булгакова и Мережковскаго сами по себѣ, но Достоевскій черезъ 25 лѣтъ уже совершенно не нуждается въ рекомендаціяхъ. Строго научное, хотя бы и болѣе сухое, вступленіе было бы болѣе желательно и умѣстно теперь» («Критическое Обзорѣніе», 1907, I). Слова основательныя, но и обязывающія.

Для той научной работы надъ Достоевскимъ, которая намѣчается такимъ образомъ въ будущемъ, чрезвычайно цѣнный матеріалъ представляютъ приложенія къ новому изданію «Бѣсовъ». Уже не впервые литературные душеприказчики Достоевскаго дѣлаютъ доступными широкимъ кругамъ читающей публики сокровища его записныхъ книжекъ. Но широкая публика ихъ знать не хочетъ, пожалуй, и не можетъ; извѣстны ей развѣ немногія изреченія изъ этихъ книжекъ. Такихъ записныхъ книжекъ съ предварительными набросками будущихъ произведеній сохранилось пятнадцать, но для литературнаго изученія пока открыто небольшое.

Уже въ 1 томѣ перваго посмертнаго изданія, были напечатаны разрозненныя замѣчанія и наброски статей для ближайшаго выпуска «Дневника Писателя». Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ «Новомъ Пути» появились новыя отрывки изъ той же публицистической группы. Но лишь теперь—въ подготовительныхъ этюдахъ къ «Бѣсамъ» — мы получаемъ нѣкоторую возможность заглянуть въ загадочные процессы той творческой работы, въ которой создавались удивительные образцы Достоевскаго. Здѣсь интереснѣе всего первоначальный образъ Николая Ставрогина; онъ былъ задуманъ какъ князь—еще одинъ князь въ громадной «Fürstengallerie» Достоевскаго,—какъ «развратнѣйшій человѣкъ и высококомѣрный аристократъ. Онъ зарекомендовалъ уже себя какъ отчаянный врагъ освобожденія крестьянъ и притѣснитель ихъ». Изъ романа послѣдняя черта скрылась, равно какъ лишь съ оговорками можно принять то, что Ставругинъ «человѣкъ идеи», ставшій теперь «вдругъ ужаснымъ скептикомъ, недовѣрчивымъ и предполагающимъ все дурное». Замышлялся для романа — впоследствии отброшенный или, быть можетъ, отчасти слитый съ Шатовымъ образъ Голубева, въ идеяхъ котораго укрѣпляется Ставругинъ. «Идеи Голубева суть смиреніе и самообладаніе и что Богъ, и царство небесное внутри насъ, въ самообладаніи, и свобода тутъ же».

Ненапечатанная глава изъ «Бѣсовъ» появилась въ новомъ изданіи не цѣликомъ. Въ ней очень интересна умная фигура проживающаго на покое въ монастырѣ архіерея Тихона, къ которому, судорожно язва, издѣваясь и злобствуя, является съ нѣкоторой исповѣдью Ставругинъ. Но текстъ той заграничной брошюрки, которую онъ, какъ исповѣдь, передаетъ Тихону, еще остается запретнымъ для русскаго читателя. Извѣстны слухи, что въ этомъ «документѣ» Ставругинъ всенародно кается въ какихъ то противоестественныхъ гнусностяхъ. Понятенъ интересъ, возбуждаемый «документомъ» въ преданныхъ читателей Достоевскаго, хотя, разумѣется, онъ не внесетъ ничего существеннаго въ страстный образъ супруга m-lle Лебядкиной.

Пожалуй, для пониманія Достоевскаго важнѣе этого новаго произведенія тѣ фрагментарныя замѣчанія, которыя указываютъ отчасти на ходъ его работы надъ «Бѣсами». Уже то немногое, что мы имѣемъ здѣсь, способно разрушить нѣкоторыя предвзятія мнѣнія, способно пролить новый свѣтъ на пути и приемы творчества Достоевскаго. Мнѣ лично его творчество представлялось всегда нѣкотораго рода ясновидѣніемъ; я зналъ, что онъ иногда диктовалъ стенографу свои романы — и они казались мнѣ бессознательными импровизаціями, стихійнымъ перенесеніемъ въ слово тѣхъ образовъ, которые видѣлъ въ своей созидающей *аурѣ* великій галлюцинировать. Убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи казалось особенно то, что Достоевскій, несомнѣнно, зналъ о своихъ герояхъ неизмѣримо больше, чѣмъ разсказалъ о нихъ. Не то, что онъ можетъ еще что-нибудь сочинить о нихъ, творчески создать еще многое характерное и художественное, — нѣтъ онъ уже *знаетъ* о нихъ *все*, а разсказываетъ только часть. Знаменательно, что у него всегда оставалось желаніе еще поговорить о своихъ герояхъ — и рядъ его романовъ («Подростокъ», «Преступленіе и наказаніе», «Карамазовы» и др.) даже заканчивается обѣщаніемъ вернуться и разсказать ихъ новую исторію. Онъ этого не дѣлаетъ въ «Бѣсахъ» и въ «Идіотѣ», — но вѣдь тамъ никого и^о не остается. Неясности и недомолвки бывають у Достоевскаго, но совсѣмъ не потому, что ему самому было что-нибудь неясно — онъ просто упускалъ поясненія, иногда по спѣшности и забывчивости, иногда, не видя нужды въ нихъ *). Все это — и многое еще — производило впечатлѣніе поразительнаго отсутствія «техники» въ работѣ Достоевскаго: нѣтъ не только «ремесла», но и «мастерства» — все безыскусственно, стихійно, несвязно и случайно, какъ жизнь. Это чистѣйшее «мышленіе въ образахъ», созданіе изъ ничего, не осложненное никакой раціональной подготовкой.

---

*) Напр. въ „Подросткѣ“ чуть не всѣ дѣйствующія лица, между собою еще не связанные, за годъ до начала дѣйствія романа были въ Лугѣ: почему, — неизвѣстно. Авторъ же, конечно, зналъ.

Въ это впечатлѣніе новые материалы къ «Бѣсамъ» вносятся поправки. Здѣсь мы имѣемъ предъ собою не только черновики, не только отвергнутыя впослѣдствіи сцены и монологи, но и характеризующія схемы, такъ сказать, скелеты будущихъ образовъ. Здѣсь именно виденъ не только безсознательный поэтъ, творящій въ пиѣческомъ восторгѣ вдохновенія, но и техникъ, ремесленникъ, которымъ, очевидно, долженъ быть всякій большой художникъ — Достоевскій не составляетъ исключенія. Такъ, на примѣръ, будущій Ставрогинъ сразу характеризуется словами, которыя были опорнымъ пунктомъ для автора, но явно не предназначены для внесенія въ романъ: «совершенно обратный типъ, чѣмъ отпрыскъ того графскаго дома, который изобразилъ графъ Толстой въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ». Въ замѣткахъ о младшемъ Верховенскомъ еще болѣе характерная черта: «Говоря о народѣ обнаруживаетъ въ одномъ пунктѣ вопіющее и странное (непремѣнно странное и чтобы въ глаза било чудовищностью) невѣжество и невѣдѣніе» — очевидная схема, ждущая художественнаго воплощенія. Таковы же замѣтки о Степанѣ Трофимовичѣ Верховенскомъ, въ которыхъ мы находимъ новый рядъ черточекъ, сближающихъ его съ Грановскимъ. Въ первоначальныхъ замѣткахъ онъ и носитъ это имя. И здѣсь, какъ и тамъ, невозможно безъ содроганія читать эту каррикатурную характеристику, гдѣ подъ легкимъ покровомъ искренней симпатіи бьется и прорывается изступленная злоба. Степанъ Трофимовичъ—«портретъ чистаго и идеальнаго западника со всѣми красотами». И вотъ какія особенности уясняютъ для Достоевскаго этотъ прекрасный типъ:

«Всежизненная безпредметность и нетвердость во взглядѣ и чувствахъ, составлявшая прежде страданіе, но теперь обратившаяся во вторую природу. Третій разъ женатъ. (Характернѣйшая черта). Жаждетъ гоненій и любить говорить о претерпѣнныхъ имъ... Дѣйствительно честенъ, чистъ и считаетъ себя глубиной премудрости. Неустойчивость во мнѣніяхъ... Любитъ шампанское... Любитъ писать плачевныя

письма. Лилъ слезы тамъ-то, тутъ-то... Хорошо устроилъ денежные обстоятельства». И такъ далѣе; лучше всего то, что сдѣлавъ изъ Грановскаго жалкаго приживальщика, слезливаго болтуна, похотливаго и расчетливаго, Достоевскій продолжаетъ его любить или, быть можетъ, только теперь начинаетъ: какая «бездна паденій» удивительной души. Онъ едва не вставилъ въ романъ цѣлый эпизодъ изъ своихъ воспоминаній—для доказательства того, что Бѣлинскій былъ необыкновенно слабъ въ пониманіи дѣйствительности. Частями этотъ рассказъ былъ извѣстенъ: о томъ, какъ Бѣлинскій ходилъ смотрѣть на постройку Николаевскаго вокзала, Достоевскій рассказалъ въ «Дневникѣ писателя», о томъ, какъ онъ «ругалъ Христа» мы знаемъ изъ письма къ Страхову, гдѣ рука Достоевскаго не дрогнула назвать Бѣлинскаго «смраднымъ явленіемъ русской жизни»... Здѣсь же онъ уличенъ въ томъ, что не понималъ значенія желѣзной дороги. Достоевскій въ бесѣдѣ съ нимъ выразилъ мнѣніе, что по желѣзнымъ дорогамъ будутъ привозить въ столицы дрова изъ лѣсистыхъ мѣстностей. Бѣлинскій расхохотался малому знанію дѣйствительности: «Дрова по желѣзнымъ дорогамъ перевозить хочеть!» Это ему показалось чудовищнымъ. Вообразите, онъ и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что по желѣзнымъ дорогамъ будутъ ѣздить только пассажиры, а изъ товаровъ перевозить будутъ только самыя тонкія и цѣнные *articles de Paris* какіе-нибудь. И вотъ его знаніе дѣйствительности!.. Очевидно, художественный тактъ помѣшалъ Достоевскому влѣзть эту тираду въ уста незлобиваго Степана Трофимовича: здѣсь она звучала бы фальшью. Шатовъ же въ «Матеріалахъ» прямо говоритъ о «ненависти Бѣлинскаго и всѣхъ нашихъ западниковъ къ народу». Характеристика Чацкаго, данная здѣсь Шатовымъ,—это такой страшный просвѣтъ въ изступленную душу великаго «ненавистника», какой едва ли повторяется въ его произведеніяхъ. «Чацкій и не понималъ, какъ ограниченный дуракъ, до такой степени онъ самъ глупъ, говоря это («Къ перу отъ карты» и т. д.). Онъ кричитъ: «Карету мнѣ, карету!» въ негодованіи, потому что

не въ состояніи и самъ догадаться, что можно вѣдь и иначе проводить время, хотя бы и въ Москвѣ тогдашней, чѣмъ «къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера». Онъ былъ баринъ и помѣщикъ и для него кромѣ своего кружка ничего и не существовало. Вотъ онъ и приходитъ въ такое отчаяніе отъ московской жизни высшаго круга, точно кромѣ этой жизни въ Россіи и нѣтъ ничего. Народъ русскій онъ проглядѣлъ, какъ и всѣ наши передовые люди, и тѣмъ болѣе проглядѣлъ, чѣмъ больше онъ передовой. Чѣмъ больше баринъ и передовой, тѣмъ больше и ненависти—не къ порядкамъ русскимъ, а къ народу русскому. О народѣ русскомъ, о его вѣрѣ, исторіи, обычаяхъ, значеніи и громадномъ его количествѣ — онъ думалъ только, какъ объ оброчной статьѣ». Это Чацкій, такъ искренно и горячо громившій русское общество за то, что оно промѣняло свои родные «нравы, и языкъ и старину святую и величавую одежду» на чужія формы. Ну, разумѣется, точно такъ, какъ и Чацкій, «думали и декабристы, и поэты, и профессора, и либералы, и всѣ реформаторы до Царя-Освободителя». Либераламъ—«Бѣлинскому и tutti quanti», Шатовъ долженъ былъ въ романѣ говорить: «вспомните тоже, что Царь освободилъ народъ, а не вы. Господи, вѣдь они и не понимали, что цари несравненно ихъ либеральнѣе и передовѣе, потому что цари всегда вмѣстѣ съ народомъ шли, даже при Биронѣ. Эта мысль у царей родилась еще давно, а декабристу Чацкому и въ голову не приходила».

Это, конечно, не невѣжество: это изступленіе, это фантомъ дикой злобы. Въ своей работѣ о «Бѣсахъ» г. Вольтинскій назвалъ романъ Достоевскаго «книгой великаго гнѣва»: великое недоразумѣніе, — критикъ забылъ объ одной необходимой чертѣ гнѣва, которой нѣтъ въ страстныхъ обличеніяхъ «Бѣсовъ». Въ гнѣвѣ есть благородство, — котораго нѣтъ въ злобѣ. Говорятъ о „гнѣвѣ Божьемъ“, но кошунствомъ было бы слово о „злобѣ Божьей“. И достаточно вспомнить о Кармазиновѣ — этой гнусной, злобной и совершенно откровенной карикатурѣ на Тургенева, — чтобы видѣть, какъ

мало къ „Бѣсамъ“ подходитъ названіе, говорящее о возвышенномъ чувствѣ всегда благороднаго гнѣва. Это книга великой злобы, — что не мѣшаетъ ей быть книгой великой мысли: соединеніе, свидѣтельствующее о страшной человѣческой „широкости“, быть можетъ, болѣе разительно, чѣмъ карамазовское примиреніе „идеала содомскаго“ съ „идеаломъ Мадонны“.
